

Научные и философские пророчества Пророчества античной Греции

В раннюю эпоху, когда властвовало мифологическое сознание, способы, которыми человек пытался ответить на мучившие его вопросы – о первопричине всего сущего, о происхождении космоса, о порядке и справедливости – были выражены, как правило, в причудливой форме сказания или в форме апории, ответ на которую мог дать только мудрец. Но греки сумели взглянуть на природу по-другому, начав изучать сложные явления природы и, попытавшись понять их. Свойственное им богатое воображение, позволило перешагнуть привычный для донаучного мышления взгляд на мир и выработать концепцию Вселенной, ставшую основной для последующих этапов развития европейской философской и научной мысли. Разум они стремились противопоставить узаконенному миропорядку, который предполагал, что всякое определенное знание связано со священным действием, тайной и находится в прямой связи с самим этим миропорядком, и никому не под силу изменить ход вещей, направляемый богами. Поэтому все их открытия, которые выходили за границы этого миропорядка, за границы хода вещей, направляемых богами, становились пророчествами. Крупнейший нидерландский мыслитель XX века Йохан Хейзинга в книге «*Homo ludens*» («Человек играющий») писал о ранних философах: «ранние философы высказываются в тоне пророчества... их проблемы – о первопричине всех вещей, о начале, становлении... это древнейшие космогонические проблемы, с незапамятных времен поставленные в форме загадок и разрешенные в форме мифа. Прямым путем из странных образов мифической космологии вроде пифагорейского представления о 183 мирах, сопрягающихся один с другим в форме равностороннего треугольника, вырастает со временем логическая спекуляция касательно облика Вселенной» (94, с. 137).

Первые попытки дать рациональное объяснение природы предприняли натурфилософы ионийской школы (VI в. до н. э.). Каждый из них (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр, Гераклит, Анаксагор) предположил, что первоначало, лежащее в основании Вселенной является природной стихией или субстанцией. Мировой процесс греки были склонны рассматривать в дуализме противоположных начал – космоса (порядка) и хаоса, единого (целого) и множественного (единичного), справедливости и вины и т.д. и то начало, которое брало верх, становилось образом, отправной точкой для будущих рассуждений. Их натурфилософия представляла собой, – писал М. Клайн, – скорее набор «... хитроумных догадок и блестящих интуитивных прозрений, чем результат обширных и тщательно проведенных научных исследований» (40, с.20).

Эпоха Пифагора (жил около 585 – 500 гг. до н. э.) пробудила критико-аналитическое мышление. Натурфилософия пифагорейцев носила ярко вы-

раженный рациональный характер и заложила основы поиска истины в законах построения Вселенной с помощью математики, то есть, по сути, впервые предложила «математизировать» структуру строения Вселенной. Сущность явления, говорили пифагорейцы, выражается через математические свойства и законы. Они поняли это на основании того, что различные в качественном отношении явления обладают одинаковыми математическими свойствами, а значит, именно математические свойства выражают сущность явлений, другими словами, все вещи суть числа. Для пифагорейцев числа не были тем абстрактным выражением, какое они имеют в современной математике, а были точками или частицами. И хотя учение Пифагора о том, что число есть материя и форма Вселенной может показаться странным для современного человека, но именно оно стало отправной точкой в движении человеческой мысли к предельным абстракциям. Уайтхед писал: «Закладывая основания европейской философии и математики, Пифагор и в самом деле наделил их счастливейшими из счастливых догадок – или, быть может, то была вспышка божественного гения, проникшего в самую сокровенную суть вещей?» (84, с.94).

Более поздних философов, сменивших пифагорейцев, природа реальности и ее математическое выражение интересовали не меньше. Здесь нашла свое выражение линия ранней рационалистической философии, берущая свой отсчет от идеи атомизма, которую приписывают Левкиппу и Демокриту. Идеи современной науки о том, что жизнь есть движение и изменение созвучны их идеям атомистов. Подобно пифагорейской школе, атомисты утверждали, что реальность, лежащая в основе постоянно изменяющегося многообразия явлений физического мира можно описать на математическом языке исходя из того факта, что все состоит из бесконечного множества атомов, которые в соединении и столкновении порождают все многообразие вещей и явлений мира. Признавая наличие пустоты, в которой, по их представлениям, только и может возникнуть движение и которая не является чем-то телесным, атомисты были, фактически, первыми, кто предположил, что вещь может реально существовать, не являясь телом, обладающим конкретной формой и структурой. Тем самым атомисты пророчествовали идеи, которые будут приняты в современной физике – в теории строения атома и квантовой теории.

Пророческий элемент ранней философии олицетворяет идею греческих гениев о том, что природа является упорядоченной системой, которая базируется на законе и порядке, который хотя и не подлежит влиянию человека, но может быть постижим при помощи разума.

В V веке до н. э. в греческом обществе возникают представления ориентированные не только на познание мирового порядка и космоса. Приходит время повернуться к отдельной личности и ее моральным представлениям. В этот период начинает вырабатываться понимание, что отдельный индивид ценен не как представитель полиса, народа и сословия, но сам по себе.

Древнегреческие драматурги V века до н. э. Софокл, Эсхил и Еврипид были первыми гениальными исследователями психологии и человеческих характеров. Став предтечами философии иррационализма с ее стремлением постичь мир и многомерность человеческого духа в нем не просто с позиций разума и логики, а при помощи бессознательного, инстинктов и интуиции, греческие трагики предвосхитили величайшего писателя всех времен Ф. М. Достоевского. По словам, С. Цвейга, творчество Достоевского связано узами с далеким прошлым, поскольку он, по сути, шел от греческих трагедий, где мучения людей чрезмерны, а спасение от ударов неумолимой судьбы – невозможно.

Мифологические сюжеты греческих трагедий были отправными точками для рассуждений о вопросах первопричин всего сущего, законах миропорядка и размышлений о добре и зле. Мифологические сюжеты греческих трагедий вошли через две тысячи лет в психологические концепции, древнегреческие драматурги, по сути, предвосхитили возникновение в будущем психоаналитических теорий, в основании которых лежит изучение психологии индивидуума, сущности сознания и бессознательного. Мифологические сюжеты, трансформированные греческими драматургами в героические и просто бытовые драмы, стали для современной науки о человеке теми нитями, через которые она сумела связать давно ушедшие поколения и их психологию с психологией современного человечества. Маски героев греческих трагедий предстают как политические, поэтические, научные и философские символы и пророчества.

З. Фрейд, изучая внутриличностные конфликты, заимствовал из трагедии Софокла сюжет о царе Эдипе и, оттолкнувшись от него, развил свою теорию комплексов. К. Г. Юнг, используя открытия Фрейда в области психологии индивидуума и его теорию индивидуального бессознательного, сделал предметом своих исследований всеобщность – все то общее, что индивидуум несет на себе как атом в коллективе, что объединяет людей в народы и связывает их с прошлым – менталитет, обычаи, нравы, культурные традиции – коллективное бессознательное. Идея Юнга о коллективном бессознательном, ставшая гениальным прозрением психологии XX века, открыла человечеству путь к познанию культур и народов. Когда Юнг анализировал мифы и эпосы разных цивилизаций и эпох, открыв архетипы коллективного бессознательного, он нашел ответ на одно из самых загадочных явлений – причину сходства в структурах и образах культур разных цивилизаций и народов, живших или живущих в разных регионах в близкие или далекие друг от друга исторические эпохи.

Если у греческих драматургов, ставших пророками в познании человеческих конфликтов, характеров и души – в центре внимания еще была судьба индивидуума в контексте влияния на него высших сил, то у Сократа в его философии первое место отводится самому человеку и его выбору на пути поиска истины. Процесс познания и пути поиска истины, по Сократу,

зависят не от способности человека познать вечные идеи, а от того, в каком направлении он будет искать истину. А это значило, что действительность общественной морали уже не могла быть обеспечена чисто внешними силами: законом, традицией, религиозными санкциями. Все большее значение приобретала субъективная позиция человека. Человек начинал смотреть на реальность не как на то, что предначертано судьбой, а как на то, что может быть результатом его собственных усилий. Вопрос об ответственности отдельных лиц приобретал значение. Новая моральная ситуация создала условия для возникновения новых философских обоснований. Потребность в осмыслении моральной суверенности человека, в раскрытии психологических основ морали и нравственности - открыли путь к самостоятельности человеческого индивида, которая началась с отрицания основ тех традиций, которые связывали человека с законами полиса, нравами, обычаями, учили понимать истину, добро и зло согласно этим традициям. Это было уникальное прозрение философа, поскольку дискуссии даже в наше время по этому вопросу не затихают - что есть истина? Относительна ли истина? Как видят ее и гениальный ученый, и человек, не наделенный никакими яркими способностями? Эта идея эволюционировала в веках, но более всего овладела умами величайших ученых в XX веке, пришедших к пониманию роли наблюдателя в познании Вселенной.

Пророчество Сократа об относительности истины вытекало из его знаменитого вопросно-ответного метода. По свидетельству Аристотеля, первым стал сочинять свои диалоги в форме вопросов-ответов - Зенон, живший в конце VI - начале V века до н. э., но свою завершенность этот метод поиска истины обрел у Сократа. Сократ пришел к заключению, что главное - выбор направления, а потом поиск истины. В каком бы направлении человек не развивал свою мысль и как бы не аргументировал эту мысль, всегда можно найти противоречие. Слова Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю, но они не знают даже этого» остались в истории пророчеством, сулящим столкновение личности и толпы. Все всегда знают судьи. Во все времена только тот, кто судит - ни в чем не сомневается. Искусство Сократа придавало ему уверенность в любом споре даже перед судом. Его бунт был бунтом слов, бунтом смысла, бунтом в смелом поиске истины. И на суде звучала еще одна пророческая мысль Сократа: «Познай самого себя». Но, как и судьи во времена Сократа - почти две с половиной тысячи лет назад - все познают других, но не жаждут познать себя. Пророчески звучат слова древнегреческого философа: «Все беды от невежества». Что правит миром - знание или невежество!? Но главное прозрение Сократа - в его афоризме - «Ничего сверх меры». Сам же Сократ считавший, что истина превыше всего, стал жертвой этого тезиса, поскольку своими рассуждениями о пользе его жизни для афинского общества, он вывел из терпения судей, и они приговорили его к смерти.

Незримый оппонент Сократа сказал бы ему: «Ты, знаток человеческой природы, неужели ты не знал, что ценность истины для толпы – невелика!» На это Сократ мог бы ответить: «Главная ценность моей жизни – истина. Если они отвергают мою истину, то они отвергают мою жизнь». Так столкнулись два пророческих тезиса Сократа: «Ничего сверх меры» и «Истина – высшее мерило жизни».

Глубину идеи вопросов оценил английский философ и историк философии Р. Дж. Коллингвуд. Он писал, что человечество уже не один век мучит проблема: что такое вопрос и что есть ответ на него. Мысль о важности вопросов в процессе познания Коллингвуд сравнивает с революцией, которая, по его словам, весьма напоминала ту, которая произошла в умах Бэкона и Декарта. Эти великие философы неоднократно предавались размышлениям об опыте естественнонаучных исследований, поскольку, как говорит Коллингвуд, его мысль о ценности вопросов была направлена против распространенных в то время логических теорий. «Новый органон» и «Размышление о методе» стали классическим выражением одного логического принципа, который, – пишет он, – пришлось сформулировать заново. В соответствии со сформулированным им принципом – «свод знания состоит не из «предложений», «высказываний», «суждений» или других актов утвердительного мышления и того, что ими утверждается (ибо «знание» означает одновременно и активность познания, и то, что познается). Знание состоит из всего этого, вместе взятого, и вопросов, на которые оно дает ответы. Логика же, обращающая внимание только на ответы и пренебрегающая вопросами, – ложная логика» (41).

Русский философ А. Ф. Лосев среди многих заслуг Сократа называет его вопросно-ответный метод. По-видимому, индуктивно-дефинитный метод, – считал Лосев, – был той философской новостью, которую провозглашал Сократ, был его открытием, хотя осознавал ли это обстоятельство сам Сократ, остается неизвестным. Знаменитый сократовский вопросно-ответный характер искания истины тоже, вероятно, был одним из моментов, свойственных его философии.

Вопросно-ответный метод Сократа позволяет трактовать истину в разных ракурсах. Задавая свои вопросы, Сократ создавал различные траектории в сознании собеседника, связывал разные понятия единым смыслом. Эти траектории рисовали в сознании собеседника понятия-образы, о которых шел спор: что такое мужество, что такое добродетель, что есть закон, в чем состоит предназначение учителя и философа. Основу метода Сократа составлял индуктивный метод познания: через факты навести на некоторый общий образ, например, определить понятие. Так, Сократ, по существу, на две тысячи лет опередил Ф. Бэкона, предложившего индуктивный метод познания, который в науке считают своеобразной революцией, поскольку именно индуктивный метод Бэкона, впервые поставил опыт основным средством познания. Нанизывая один факт на другой, связывая их вместе,

Сократ рано или поздно приводил собеседника к противоречию. Его цепочка вопросов всегда замыкалась на противоречии. Одна цепочка, вторая, третья и, в конце концов, его собеседник вынужден усомниться в своей правоте, как это сделал знаменитый полководец Лахес, который признал, что он не понимает - что есть мужество (кто же тогда понимает, если полководец не понимает).

Цепочки сократовских вопросов создавали различные траектории в сознании собеседника (в информационно-смысловых структурах, сочленяющихся между собой). Метафорически это можно изобразить как несколько эллипсов-траекторий, пересекающихся в пределах одного сегмента. Как в знаменитой русской сказке: туда пойдешь – то найдешь, туда пойдешь – другое найдешь. На рисунке показаны такие эллипсы-траектории.

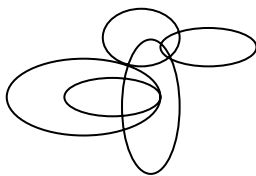

Рис. 20. Сократовские траектории связанных смыслом понятий, отображающие различные информационно-смысловые образы.

Каждый эллипс – это структура. Она запечатлевается в нейронной сети мозга в виде энграммы, на правах субъективной истины. Представьте, что нарисованные модели этих траекторий, это как бы нейронные пути, по которым распространяются нервные импульсы, запечатлевая смысловую информацию, попадающую в мозг. Человек становится как бы «рабом» своей мысли. Почему? Потому что тот, кто её отстаивает, имеет свои аргументы, и он им верит. Но если, отталкиваясь от одного понятия можно получить другую структуру и третью, то где же истинность? Истинность будет соответствовать тому информационно-смысловому фильтру, сквозь который видится мир. В естественных науках этот феномен трактуется как явление наблюдателя, о котором сначала заговорили физики, затем представители гуманитарных наук (например, К. Юнг).

Приведем характерный пример «рабства» мысли. Ученый, создавая своё направление в науке, неизбежно сталкивается с противоречиями, которые он видит сам или на которые ему указывают другие. Он не в силах отказаться от своих научных построений и потому противоречивые факты, новые данные стремится вписать в свою теорию, развивая мысль по траектории. Это явление – включить в теорию факты не совсем согласующиеся с общим направлением этой научной теории является одним из распространенных в науке. В этом смысле интересно привести высказывание выдающегося философа К. Поппера, которое сделал относительно теории психоанализа. Поппер обратил внимание, что психоаналитические теории невозможно опровергнуть, так как ученые прибегают к интерпретациям клини-

ческих наблюдений, опираясь на те же самые психоаналитические теории, «в то время как с целью опровержения, т. е. проверки теории, необходимо исходить из специальных наблюдений, противоречащих исходным установкам». Когда при доказательстве выполняется только одно требование – требование логичных построений, тогда, по мысли Поппера, не соблюдается критерий научности, который не допускает такого подхода, и, следовательно, это не может быть наукой. Так, логически рассуждая, Поппер отнес психоанализ к псевдонауке (Цит. по 48, с. 344).

Можно найти многочисленные примеры в науке, подобные тем, которые обнаружил Поппер в психоанализе. Действительно, спасаясь от противоречий в своей теории, ученые нередко вынуждены вводить дополнительные условия в строение фундамента своей теории и с помощью новых логических аргументов развивать траекторию мысли, чтобы избежать противоречивости, но, как правило, это не удается. Однако безуспешные попытки избежать противоречий, не свидетельствуют, что данная теория не имеет право называться научной теорией. В этом смысле философ античного мира Сократ стал символической фигурой и трагическим пророком. Образно говоря, все теории, описывающие строение мира, в том числе внутреннего мира человека, представляют бесконечное множество пересекающихся эллипсов. Но среди эллиптических траекторий всегда можно выбрать одну особую, уникальную траекторию, которая проходит по одному эллипсу, переходит на другой, от него – на третий, снова возвращается к первому, потом – на четвертый. Она выстраивает такой замысловатый лабиринт следа, что невозможно представить, чтобы эта сложнейшая траектория нового видения мира была под силу мышлению и интуиции одного человека. Но в спорах Сократу часто приходилось использовать этот прием. Кому придет в голову мысль «пройти» по совокупности траекторий, выбрав среди них непонятную, извилистую, запутанную, приводящую неизвестно куда. След новой, объединяющей различные части многих эллипсов траектории, есть запредельный взгляд гения на природу окружающих его вещей – это взгляд за пределы горизонта. Почему? Как только что-либо создано (теория, произведение искусства и т.д.), значит, прослежена новая траектория в голове одного гениально одаренного человека. Именно она отображает след пока невидимого горизонта, но только намного позже, это горизонт становится виден для всех.

На вопросно-ответный метод Сократа обратили пристальное внимание не только философы, но и математики. А. Реньи написал книгу «Диалоги о математике», используя для подачи математического содержания вопросно-ответный метод Сократа. Д. Пойа в книге «Математические открытия», ссылаясь на известного немецкого физика XVIII в. И. Лихтенберга, заметившего: «То, что вы принуждены были открыть сами, оставляет в вашем уме дорожку, которой вы сможете снова воспользоваться, когда в том возникнет необходимость», отмечает главное достоинство сократовского

метода: «Существует еще одно часто формулируемое мнение: «Лучший способ изучить что-либо это открыть самому». Далее он продолжает: «Для того, чтобы изучение было наиболее эффективным, учащийся должен самостоятельно открыть настолько большую часть изучаемого материала, насколько это в данных обстоятельствах возможно. В этом заключается принцип активного изучения. И этот принцип очень стар» (62, с.290). Далее Пойа замечает, что «... идеи должны зарождаться в уме учащихся, роль же учителя в этом процессе можно сравнить с ролью повивальной бабки. Это классическое наставление Сократа, форма обучения лучше всего отвечающая ему – сократовский диалог» (62).

У Сократа было много учеников, но никто из них в истории философской мысли не сравнится с Платоном – создателем первой законченной философской системы, ставшей основанием для будущих концепций. В философии Платона занимают центральное место семь основных понятий: идея, душа, эрос, гармония, физические элементы, математические соотношения и пространство. Мир, воспринимаемый человеком, есть лишь отражение мира самостоятельно существующих «идей» – сверхчувственных сущностей; в них заключено то общее, что проявляется в существовании отдельных вещей, которые воспринимаются человеком при помощи слуха, зрения, осязания и т.д. только эти умопостигаемые сущности – «идеи» существуют реально, вечно и неизменно. Любое развитие, по Платону, начинается с первоначальной идеи, а вещь, которая будет развиваться, теряет свое совершенство и свою близость к идее в той мере, в какой уменьшается ее сходство с первоначальной идеей. Отсюда проистекает вечный конфликт между идеями (смыслом) каждой вещи и ее материальностью. Такая борьба, – заметил Ортега, – предполагает, что одно из начал побеждает. Если побеждает смысл, человек живет в призрачном мире «идей», когда – материальное начало, человек расстается с надеждой.

В своей притче о пещере Платон первым ставит проблему теории познания. Познание чувственных (материальных) вещей, по Платону, есть припоминание того, что душа созерцала в мире идей до своего воплощения в тело. Из этого следует, что составить строгое знание о реальном мире нельзя иначе чем, только через мнение об этих вещах, поскольку смыслы вещей уже априорно существуют. Символичность учения Платона и его мистичность открыли в истории мысли идеалистическую линию в философии, а платонизм стал в истории европейской философии одной из двух главных традиций мысли. Став родоначальником понятийного мышления, философия Платона и ее основные постулаты проложили дорогу христианским мыслителям и художникам эпохи Возрождения. Так, в пластических искусствах взгляды Платона на взаимоотношения идей и вещи представлены в изобразительном искусстве Рафаэля, пишущего идеальную форму – человека, который, по сути, олицетворяет не человека как такового, а его идеальный образ; в скульптурных композициях Микеланджело форма –

идеальное воплощение мечты о человеке, образ прошлого, образ античного мира.

Учение Платона об идеальном и материальном началах явило человеческой культуре реальность в её главном противоречии – противоречии между разумом человека и природой. Это противоречие стало камнем преткновения философии эпохи Научной революции, стремившейся преодолеть этот конфликт в пользу победы разума человека над природой, подчинению её стихии себе и созданию идеального мира, где господствует разум.

В последующих эпохах развития мысли наследниками воззрений Платона становились философы эпохи Просвещения и великие мыслители немецкой школы. Современная психология и ее психоаналитические направления так же берут свое начало от платоновской идеи и платоновской души. Рассуждая о внутреннем конфликте личности и бессознательном, Юнг писал: «... душа находит мир воспоминаний («среди сотен воспоминаний»), а среди них наиболее сильные, имеющие наибольшее влияние, суть воспоминания образов, относящихся к первому, инфантильному периоду жизни. Это тот детский мир, то райское младенческое состояние, из которого нас однажды изгнал жестокий закон. В этом подземном царстве дремлют сладостные мечты-воспоминания о родной стороне и бесконечное чаяние грядущих, нарождающихся событий» (105).

Теория идей Платона положила начало иерархическому делению его учения. Величайшим учеником Платона был Аристотель. В противоположность Платону он отрицал самостоятельное существование «идей» вне чувственно воспринимаемых вещей на основании того, что только из реальных вещей человек производит общие понятия. «Вместо вспышек платоновской проницательности у Аристотеля, – пишет английский философ К. Поппер, – мы сталкиваемся с сухой систематизацией...» (63, с.8). Из этой страсти к систематизации философских знаний выросла как самостоятельная наука логика Аристотеля. Идея Аристотеля гласит: видовые объекты образованы множеством единичных, а в коллективных свойствах воплощены индивидуальные свойства единичных идей. Разработанные им в рамках логики законы и правила научного мышления, методы исследования и доказательства, классификация общих теоретических понятий стали «идеями на все времена» и до сих пор используются учеными.

Платон и Аристотель стали символами не только двух философских систем, но, как говорил Гейне, они типы двух человеческих натур, «которые с незапамятных времен, облаченные во всевозможные одеяния, в той или иной степени противостоят друг другу. Какие бы имена не возникали на авансцене истории», – пишет Гейне, – «речь неизменно идет о Платоне и Аристотеле». Натуры мечтательные, мистические, платоновские выявляют идеи и символы, в противоположность им – натуры практические, аристотелевские – создают из этих идей и символов прочную систему (Цит. по 105, с.29).

Из всех античных мыслителей по характеру своего мышления и по многообразию научных интересов ближе всех к типу ученых Нового времени стоит фигура Архимеда, являвшего уникальный пример пророка античного мира. Архимед объединял в себе и гениального математика, заложившего новые пути в развитии этой науки, и гениального инженера, научно обосновавшего изобретения, которыми до сих пор пользуется человечество. Законы, описанные в трактате «О плавающих телах», стали фундаментом новой науки, впоследствии названной гидростатикой. Разработав же методы вычисления площадей и объемов, он, по сути, приблизился к вычислению интеграла, а, создав метод определения касательной к кривой, предвосхитил дифференциальное исчисление (71). Архимед положил начало новой науке – теоретической механике, которую человек древности вообще не знал, но в будущем она стала одним из главных факторов технического прогресса.

«Любая цивилизация, достойная так называться, – пишет М. Клайн, – занимается поиском истин. Во всех древних цивилизациях, кроме одной, ответы на эти вопросы давались религиозными лидерами и принимались всеми. Единственным исключением была цивилизация, созданная древними греками. Греки совершили открытие, величайшее из когда-либо совершенных человеком: они открыли могущество разума» (40, с.18).